

Послеполуденные часы в Юйцуне провинции Фуцзянь были насквозь пропитаны солнечным светом, стрекотом цикад и тонким ароматом бамбуковых листьев.

В небольшом дворике дома У Се Хэй Сяцзы раскинулся на старом бамбуковом кресле. В его позе угадывалось нечто такое, отчего он казался не столько сидящим в кресле человеком, сколько сваренной в котле с невидимой теплой водой лягушкой, у которой даже кости размякли от жара. Бамбуковое кресло под ним издавало жалобный скрип, что в сочетании с бесконечным гамом цикад на деревьях складывалось в самую настоящую убаюкивающую мелодию.

Он поправил неизменные темные очки на переносице, длинно, с крайним преувеличением вздохнул и завел свою шарманку, обращаясь к пустому двору:

— Скукотища... У Се, глупый Чжан, рассудите сами: разве это жизнь? Похоже ли это вообще на что-то приличное?

Из кухни, где он как раз изучал новый рецепт, У Се даже не поднял головы — судя по всему, у него уже выработался иммунитет к подобным речам. А Чжан Цилин, сидевший под карнизом и молча протиравший старый охотничий нож, кажется, даже частоту дыхания не изменил.

Хэй Сяцзы нисколько не смутился отсутствием реакции и продолжил свой монолог, исполненный горькой скорби:

— Подумать только, я, Хэй Сяцзы, в былые времена ворочал судьбами целого мира, и в огонь шел, и в воду! В каких только логовах дракона и тигра я не бывал? Каких только демонов и духов не повидал? А теперь что же? — он лениво приподнял руку и бессильно указал на густую виноградную лозу над головой. — Целыми днями только и делаю, что пялюсь в небо, считаю листья да слушаю стрекозанье пение. Боюсь, все мои непревзойденные навыки в один прекрасный день пустят корни и прорастут прямо здесь, в Юйцуне, вместе с моими старыми костями, а под конец на мне еще и грибы вырастут.

Он перевернулся на другой бок, и бамбуковое кресло вновь жалобно застонало:

— Послушай, У Се, вы здесь только тем и занимаетесь, что сидите с пустыми взглядами да едите. Нельзя ли как-то... как бы это сказать, внести в нашу жизнь немного грандиозных красок? Ну, например, пусть на задней горе завещется призрак или вроде того! Я не привередлив, сойдет даже что-нибудь мелкое и заурядное!

У Се наконец высунулся из кухни наполовину, зажав в руке пучок зеленого лука, и со смехом выругался:

— Проваливай! Наша деревня — место приличное, образец мира и порядка! Если так жаждешь острых ощущений, иди к деревенским воротам и помоги тетушке Ван покормить свиней — когда эти туши наперегонки бросаются к корыту, зрелище получается поистине грандиозное.

Хэй Сяцзы издал звук вроде «цз», снова откинулся назад, а в его темных очках отразились пестрые солнечные блики, скрывая взгляд, однако исходившее от него упрямое недовольство

почти сгустилось в осязаемую субстанцию:

— Кормить свиней? Какая расточительность! Жемчужину бросают в грязь! Эти мои глаза созданы для того, чтобы искать истину и прорываться сквозь иллюзии, а вовсе не для того, чтобы выискивать количество щетины на свиных шкурах...

Не успел он договорить, как из-за пределов двора донесся смутный гул автомобильного мотора — приближаясь, он наконец смолк прямо у входа.

Почти в тот же миг обмякшее, казалось бы, до состояния полного растворения тело Хэй Сяцзы словно мгновенно наполнилось духом и стальной арматурой — он пружиной подскочил с бамбукового кресла. Стремительность движения и грация поразительно контрастировали с недавним образом расплывшейся лужицы грязи.

Он мимоходом схватил со стола потрепанный веер-веялку, с громким шорохом раскрыл его и принялся яростно махать вовсе не на себя, а на стоявшее рядом пустое кресло — так, словно пытался сдуть с него несуществующую пыль. Следом он неизвестно откуда вынул чайную чашку и с невероятной для У Се скоростью заварил свежий чай: от чашки поднимался легкий пар, и она заняла свое место перед тем самым креслом.

Все эти действия были выполнены с плавной легкостью, словно оттачивались тысячу раз.

У Се остолбенел от удивления, едва не выронив из рук лук:

— Ты... ты чего удумал?

Хэй Сяцзы не обратил на него внимания и лишь одернул свою потрепанную майку — хотя поправлять там было особо нечего. Прислушавшись к ровным шагам у ворот, которые становились все ближе, он растянул губы в широкой, чуть развязной улыбке под темными очками.

Калитка со скрипом отворилась.

Первым в поле зрения попала пара безупречно чистых белых кед, затем — брюки спортивного кроя идеального покроя, а выше — бледно-розовая рубашка с небрежно засученными до локтей рукавами, обнажавшими полосу белых запястий. Се Юйчэнь просто стоял в проеме, а послеполуденное солнце вырисовывало вокруг его фигуры мягкий ореол. Казалось, он принес с собой собственный фильтр, мгновенно превратив скромный пейзаж захудалого двора в съемочную площадку артхаусного фильма.

Окинув взглядом двор, он слегка кивнул У Се и Чжан Цилину, приветствуя их, а напоследок его взгляд остановился на суетящемся Хэй Сяцзы.

Хэй Сяцзы тут же подскочил ближе, овеяв гостя прохладой с помощью своего веера, а его тон

источал столько приторности, что казалось, с него капает масло:

— Ой-ой-ой! Каким это попутным ветром нашего Господина Хуар занесло в эту глушь? Только посмотрите, стоит вам появиться, как наш убогий дворик озаряется таким сиянием, что у меня темные очки едва с носа не сваливаются!

Он обошел Се Юйчэня полукругом, омеривая того взглядом с ног до головы, и цокнул языком:

— Только взгляните на эту статью, на эту выправку! Господин Хуар, вы ли это приехали испытать тяготы сельской жизни? Кто не знает, подумал бы, что вы прибыли в нашу деревню расстилать красную дорожку да инспектировать народное благосостояние! Надеюсь, наши грунтовые дороги не доставили неудобств вашим ножкам?

Судя по всему, Се Юйчэнь давно привык к подобным тирадам — даже бровью не повел. Проигнорировав болтавшийся прямо перед носом потрепанный веер, он неспешно направился к стулу, который так старательно подготовил Хэй Сяцзы, и с изяществом опустился на него. Скользнув взглядом по чашке с горячим чаем, он взял ее, слегка подул на плавающие листочки и сделал небольшой глоток.

— Чай сносный, — поставив чашку обратно, произнес он ровным голосом, похожим на журчание горного ручья, который в одно мгновение залил чрезмерно пылкий костер энтузиазма Хэй Сяцзы. — Только если твой язык продолжит молоть в том же духе, здешним цикадам останется лишь признать собственное поражение и дружно переехать в другое место.

У Се не удержался и фыркнул.

Толстокожий, словно крепостная стена, Хэй Сяцзы ни капли не смутился. Напротив, он тут же притянул к себе табурет и уселся вплотную к Се Юйчэню, едва ли не касаясь того локтем.

— Да я же просто обрадовался твоему приходу! — с улыбкой протянул он. — Сам подумай, каково мне целыми днями таращиться на этих двоих молчунов? Каждый только и умеет, что воду в рту держать. Если я перестану болтать, мои речевые навыки атрофируются окончательно, и придется переходить на общение исключительно силой мысли.

Он подался чуть вперед и понизил голос, придавая лицу таинственное выражение:

— Если честно, Господин Хуар, ты ведь наверняка устал от городской суеты и наконец-то одумался? Решил бросить все и приехать ко мне, чтобы вместе предаться уединенной жизни в Юйцуне и вкусить всю поэзию созерцания хризантем под восточным забором да любования далекими южными горами?

Се Юйчэнь наконец повернул голову, и сквозь темные стекла очков почти физически ощущался его оценивающий взгляд. Уголки его губ едва заметно дрогнули в улыбке, а в голосе проскользнула неуловимая нотка иронии:

— Уединение? С тобой? — он сделал короткую паузу и неторопливо добавил: — Боюсь, до того как я успею сорвать хоть одну хризантему, меня стошнит кровью прямо под этим восточным

забором — от тебя же.

— Ха-ха-ха! — на этот раз У Се расхохотался в голос, и даже суровые черты лица сидевшего в стороне Чжан Цилина на мгновение смягчились.

Хэй Сяцзы схватился за грудь, изображая человека, в которого попала стрела, и скорчил уморительную рожицу:

— Господин Хуар, твои речи и впрямь способны ранить сердце почище любого клинка! Мое чистое, стремящееся к сельской жизни сердце разбито тобою вдребезги.

Шутки шутками, а появление Се Юйчэня действительно легло на поверхность тихой глади озера подобно брошенному камню, заставив этот ленивый, едва ли не застывший полдень покрыться рябью. Прежняя атмосфера бесцельной лени сменилась тонким, полным скрытых ожиданий оживлением.

Пусть Хэй Сяцзы и продолжал отпускать шуточки, все его внимание, скрытое за темными очками, уже целиком и полностью сосредоточилось на сидевшем рядом элегантном мужчине.

Не обращая больше внимания на его клоунаду, Се Юйчэнь поднял взгляд на подошедшего У Се и заговорил уже обычным тоном:

— На дороге были пробки, только что добрался. У вас тут... в последнее время все спокойно?

— Тихо так, что скоро мхом обрастет, — со смехом отозвался У Се. — Как раз вовремя приехал, вечером сообразим чего-нибудь побогаче. А этот тип, от безделья покрывающийся грибами, сходит на заднюю гору за свежими побегами бамбука.

— Эй? Снова я? — тут же запротестовал Хэй Сяцзы, однако на его губах играла широкая улыбка.

Лучи заходящего солнца покрывали весь дворик мягким золотистым налетом. Казалось, недавняя скука и жалобы растворились вместе с прибытием Се Юйчэня. Хэй Сяцзы снова налил себе чаю и закинул ногу на ногу, а в его расслабленной позе проступило настоящее, неподдельное умиротворение.

И все же, ни он, ни Се Юйчэнь еще не догадывались, что в этой с виду безмятежной, оторванной от суеты горной деревушке уже исподволь разворачивается далекое от всяких сценариев «странное представление». Нынешние шутки и идиллическая картина заката были лишь мягким вступлением перед надвигающейся бурей.